

ПО ПОВОДУ САМОПРИЗНАНИЙ ДВУХЪ ПЕТЕРБУРЖЦЕВЪ

СОВРЕМЕННОМУ. 1864. V. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ. 1864. VI. ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ.

—
I

Петербургца всегда изображаютъ сухимъ и порой даже мрачнымъ эгоистомъ; выражается онъ безжизненнымъ, официально-газетнымъ слогомъ; имѣть даже отвращеніе нѣкоторое къ кореннымъ русскимъ словамъ. Все это, правда, пожалуй, -- но есть предметъ, о которомъ петербуржецъ любитъ особенно поговорить и поговорить съ жаромъ; когда онъ становится такъ-же уморительно краснорѣчивъ, какъ петербургскій публицистъ, разсуждающій о политикѣ г. Бисмарка, или о смерти г. Мокара.

Этотъ предметъ, эта любимая и неистощимая тема -- умственное, нравственное и всякое другое превосходство города Санктпетербурга не только надъ прочими городами обширной россійской имперіи вообще и надъ невѣжественной Москвой въ особенности, но чуть-ли даже не надъ всѣми городами Европы.

Петербургецъ считаетъ себя, первое, за человѣка образованнаго, который разнымъ наукамъ у нѣмца обучался, -- а всю Россію за дикую и невѣжественную страну. Прислушайтесь, и откроются вещи прелюбопытныя. Напримѣръ, что знаетъ петербуржецъ о народѣ, какіе разсказы ходятъ въ петербургскихъ кружкахъ про мужиковъ, какъ въ нихъ представляется крестьянскій говоръ?

По-русски петербуржецъ вообще разумѣть довольно плохо; быта русскаго совсѣмъ не знаетъ; сближается съ народомъ только трясясь на дрожкахъ, или катя въ санкахъ, когда онъ съ извозчикомъ любезно разговариваетъ. Освѣдомится какой губерніи, и положимъ, что извозчикъ изъ Опскова, -- вотъ ужъ нашъ цивилизованный мудрецъ и улыбается: какъ, дескать, смѣшно эти *мужички* говорятъ. Въ былое время спрашивали еще: помѣщичій-ли, или государственный? "Мы господскіе", отвѣтитъ извозчикъ. И чудно это покажется петербуржцу: "господскіе", а не помѣщичьи. Во глубинѣ души странно ему слышать такія слова; онъ даже увѣренъ, что извозчикъ слово "господскій" употребилъ единственно по невѣжеству.

Это любезное заигрываніе съ народомъ весьма любопытно. Теперь, уже многіе цивилизованные петербуржцы, разговаривая съ мужиками, на *вы* больше говорятъ. *Вы* -- это символъ вѣжливости, шагъ по пути прогресса, признаніе личности простаго человѣка. Вѣдь право-же такъ думаютъ истые петербуржцы. Вспомните какіе споры шли о томъ, какъ въ воскресныхъ школахъ мальчикамъ говорить: *ты* или *вы*, и какія горячія обличенія сыпались на голову тѣхъ, кто предлагалъ *ты* говорить. Почему-то это ужасомъ казалось; а почему -- въ толкъ взять трудно. "Пусть вамъ мальчикъ *ты* говоритъ", учили цивилизаторы, "а вы все-таки ему *вы* говорите". Ну, и говорили.

Но еще лучше поддѣлываніе подъ народный говоръ. По мнѣнію петербуржца, крестьянинъ не можетъ двухъ словъ связать безъ различныхъ уснащиваній и украшеній рѣчи, въ родѣ словъ "значить, теперича, того" и т. п. Анекдоты, которыми увеселяютъ петербургскіе знатоки народнаго быта честныя компаніи, конечно, касаются невѣжества и грубости мужиковъ. Основа: незнаніе чего-нибудь весьма простаго и незнаніе чисто внѣшнее. То мужики идутъ смотрѣть какъ *пузыри спускаютъ*, то про телегринъ, или пароходъ разсуждаютъ; то препираются о разницѣ между бонмой и ядромъ. Конечно, они показываютъ при этомъ яркое невѣжество и говорятъ чуднѣйшія слова. "Теперича, значить, мы братцы, это, значить, идемъ и теперича, значить, это идемъ", -- такова народная рѣчь этихъ анекдотовъ.

И чѣмъ больше "теперича" будетъ въ разсказѣ, тѣмъ большее удовольствіе доставитъ онъ слушателямъ. А разсказчикъ считаетъ себя глубокимъ знаткомъ народнаго быта. Помню, разъ потѣшалъ публику подобный знатокъ. Ѣхали мы въ коляскѣ за-городъ. Публика грохотала. Разсказчикъ былъ на верху блаженства; извозчикъ прислушивался. -- "Ну что?" обратился онъ къ извозчику: "хорошо?" Лицо разсказчика сіяло самодовольной улыбкой: онъ видимо ожидалъ утвердительнаго отвѣта. -- "Это что-же